

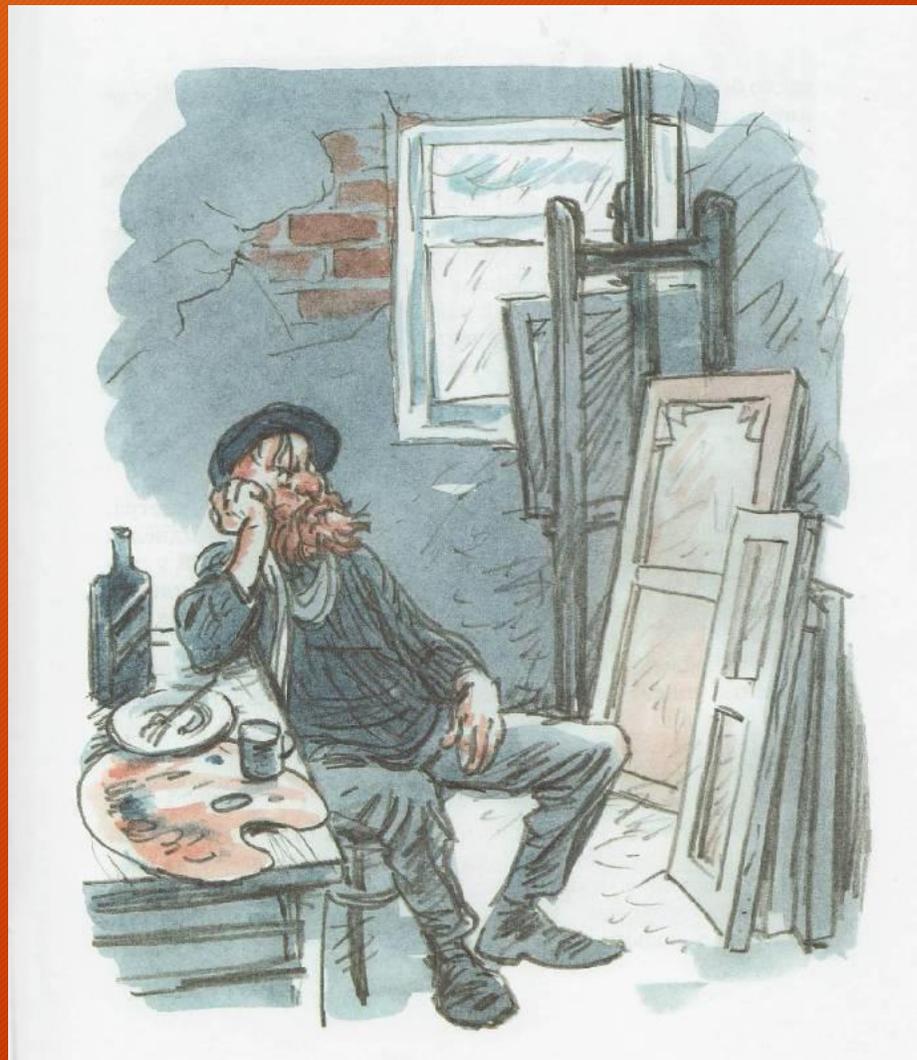
ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

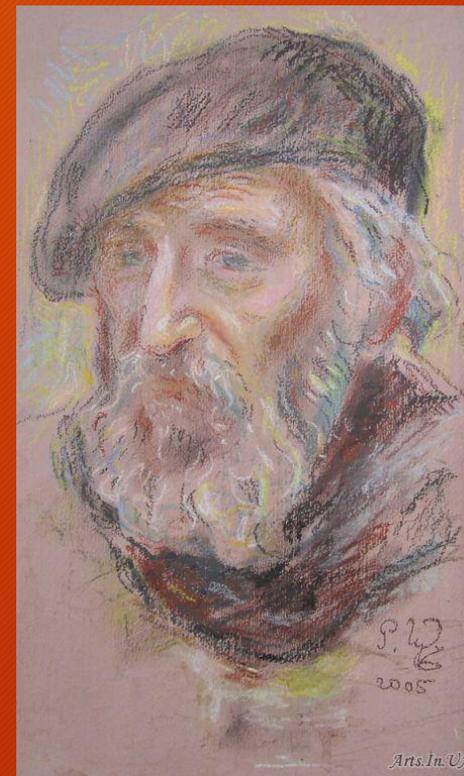
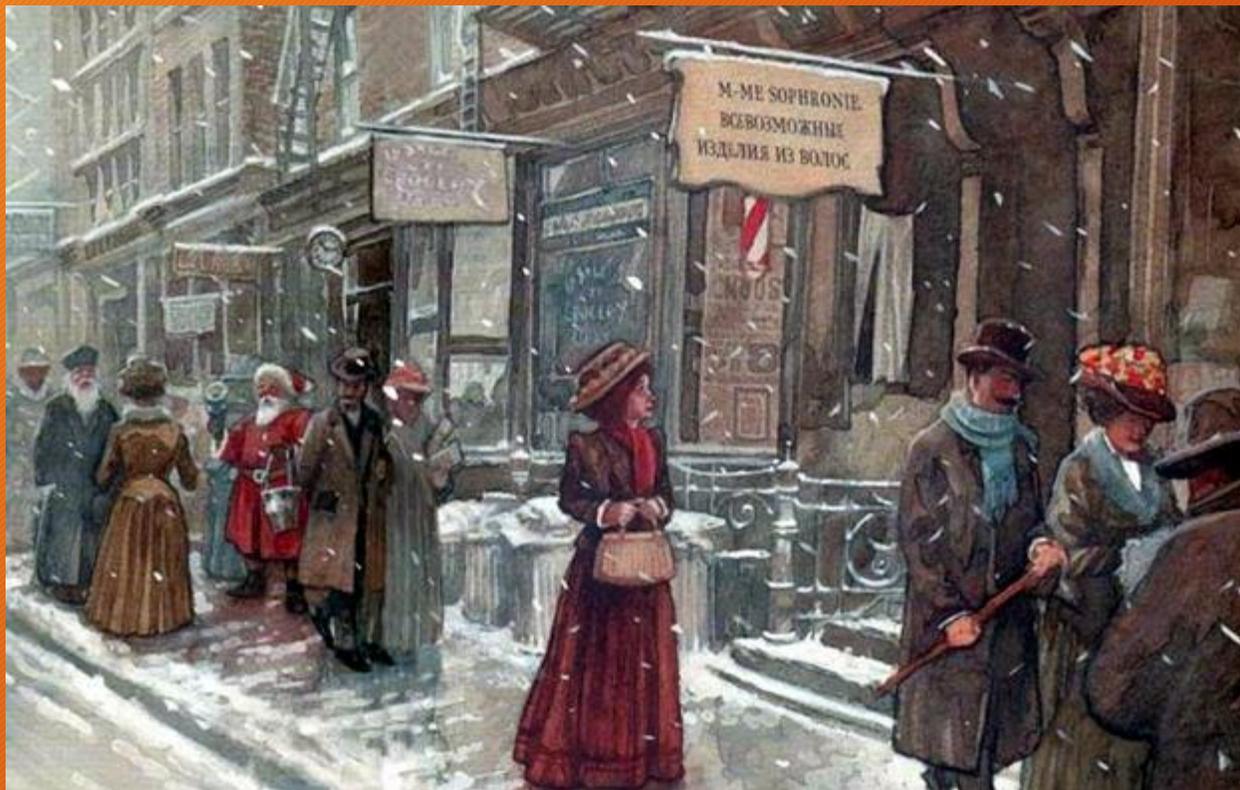
О. ГЕНРИ



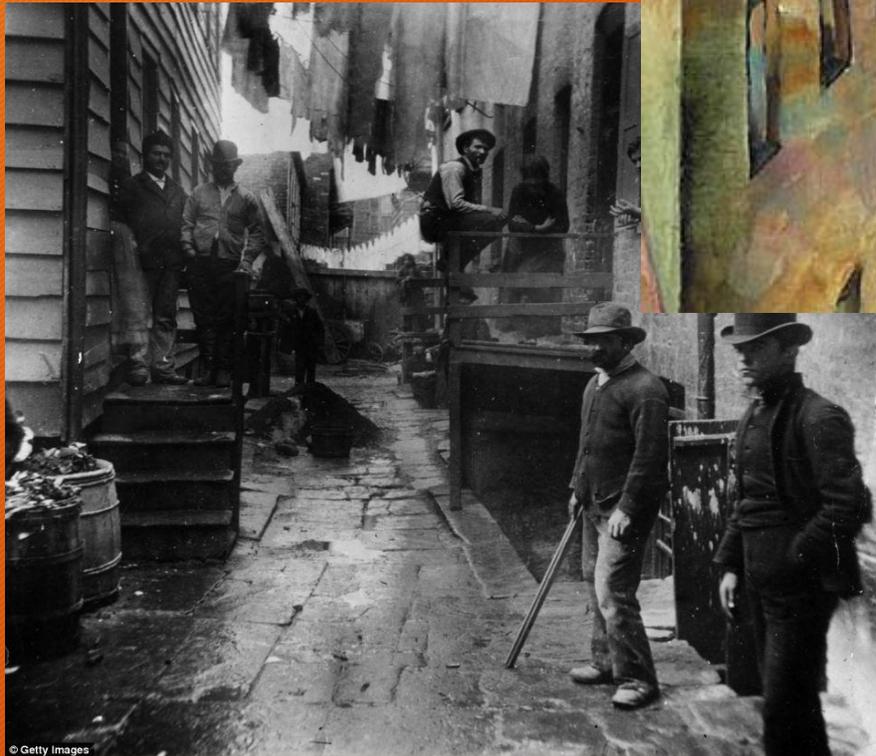
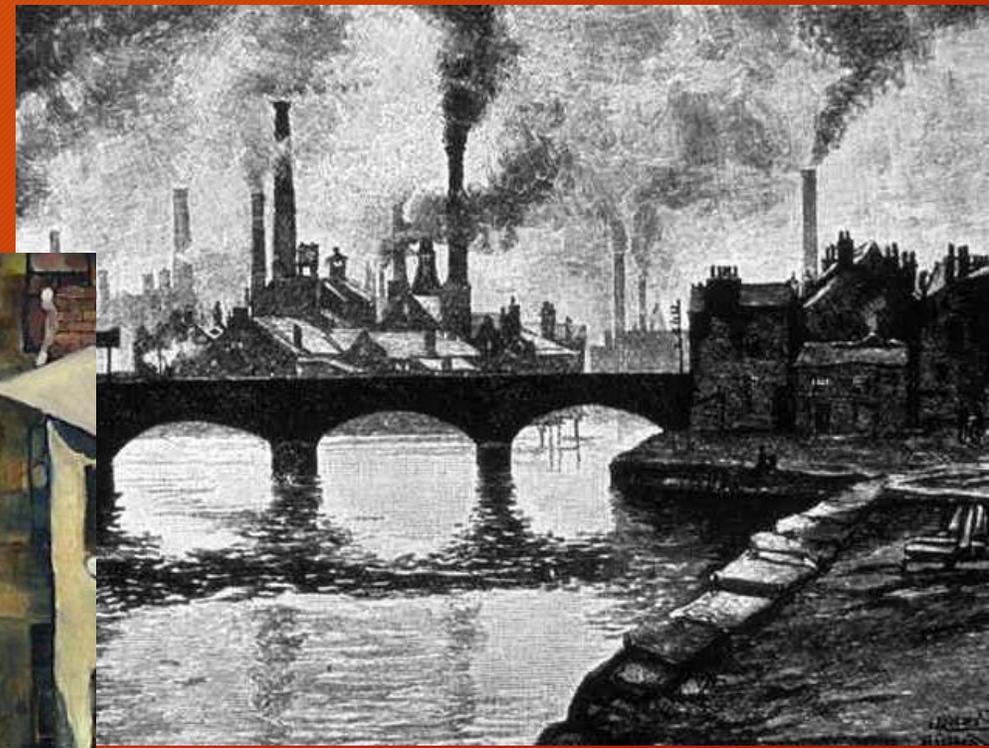


**В небольшом квартале к западу от Вашингтон
жил один старый художник.**





Ему нравился этот район, потому что его окно, выходило на север, где он видел кровли XVIII(18) столетия, голландские мансарды. И самое главное многим людям искусства нравилась дешевая квартирная плата.



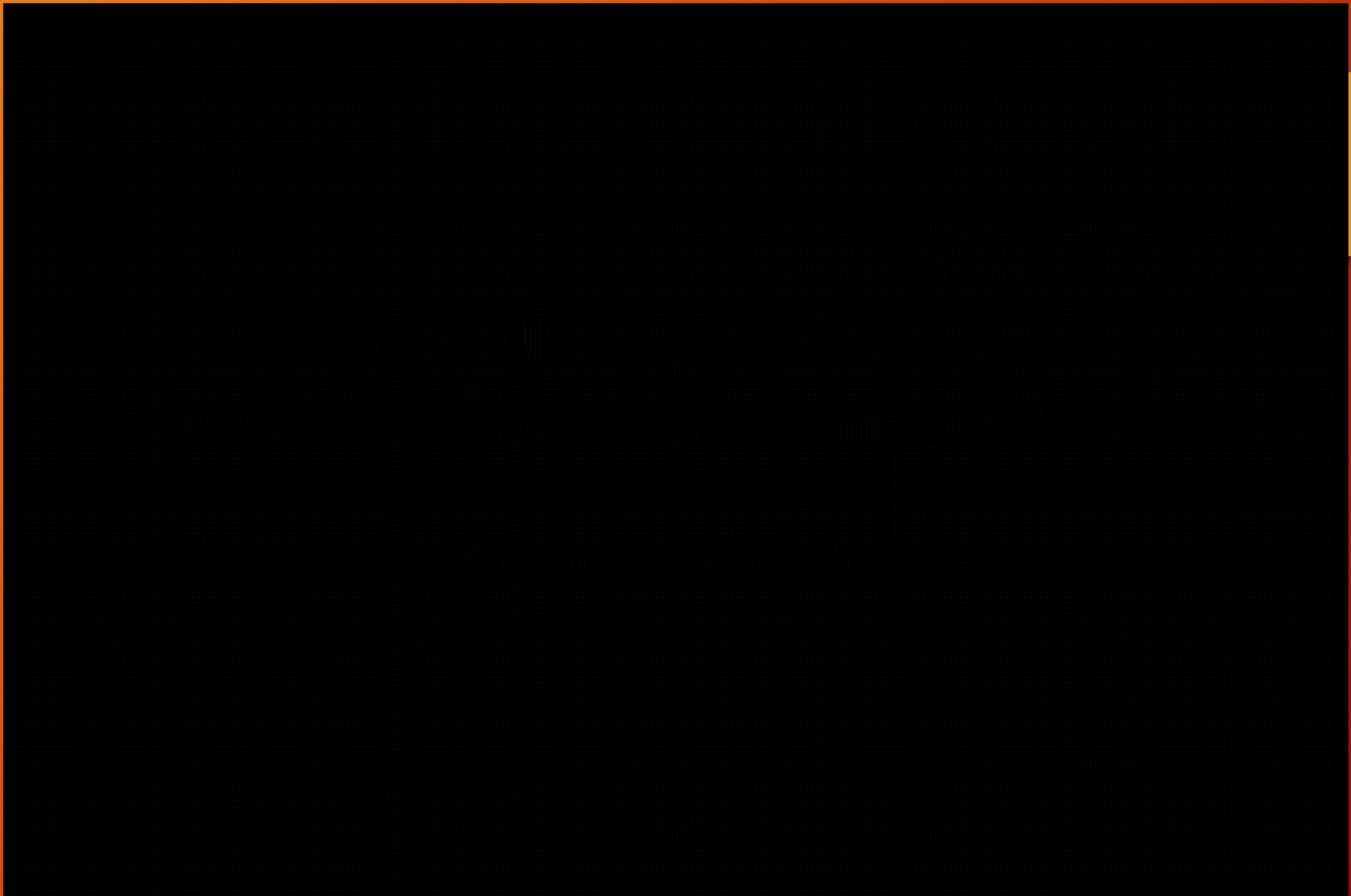
Студия молодых художниц Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. У них были общие взгляды на искусство, в результате их дружбы возникла общая студия.





В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по городу, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. Он шагал смело, поражая десятки жертв, особенно в лабиринте узких, поросших мхом переулков, где жили юные художницы.



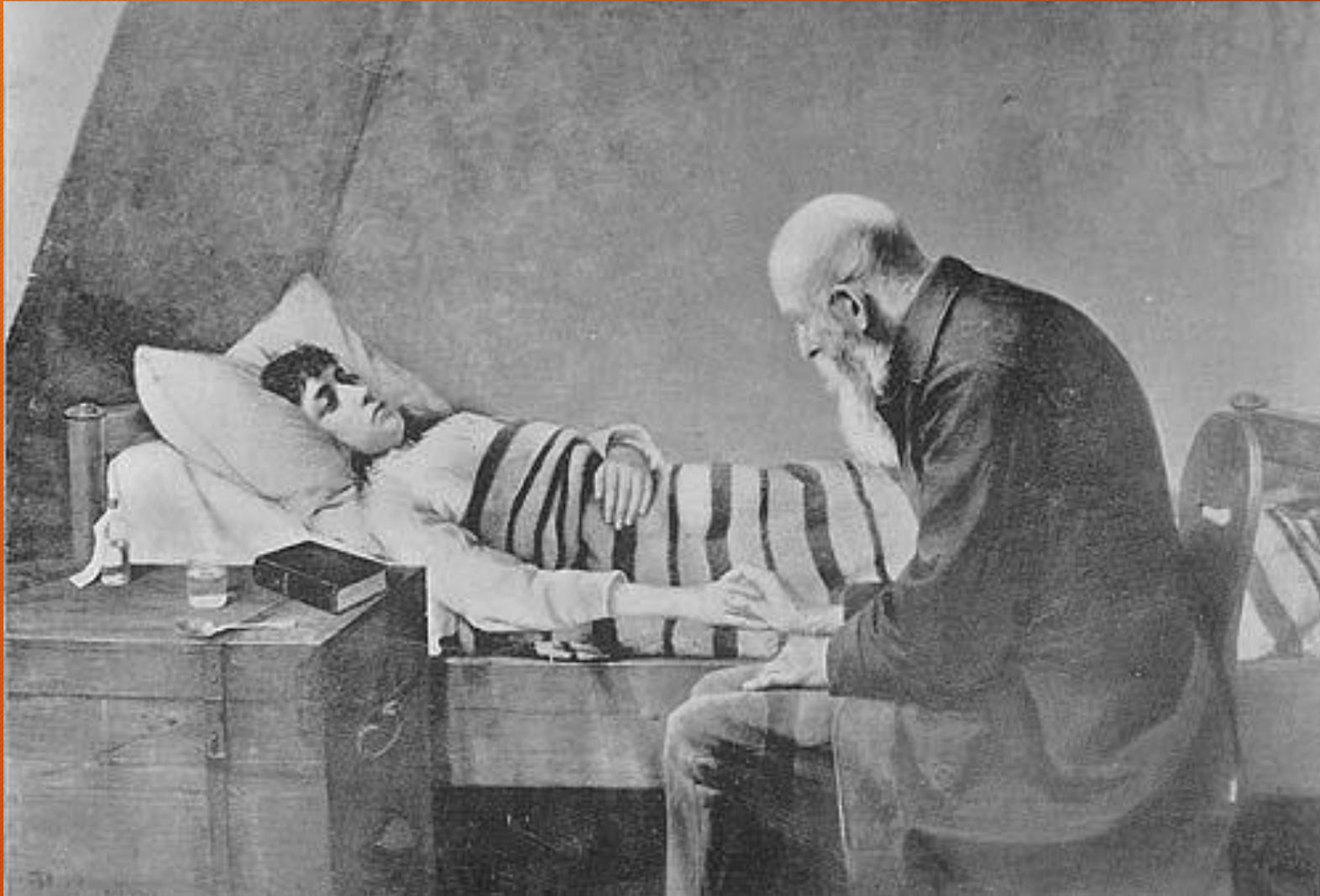


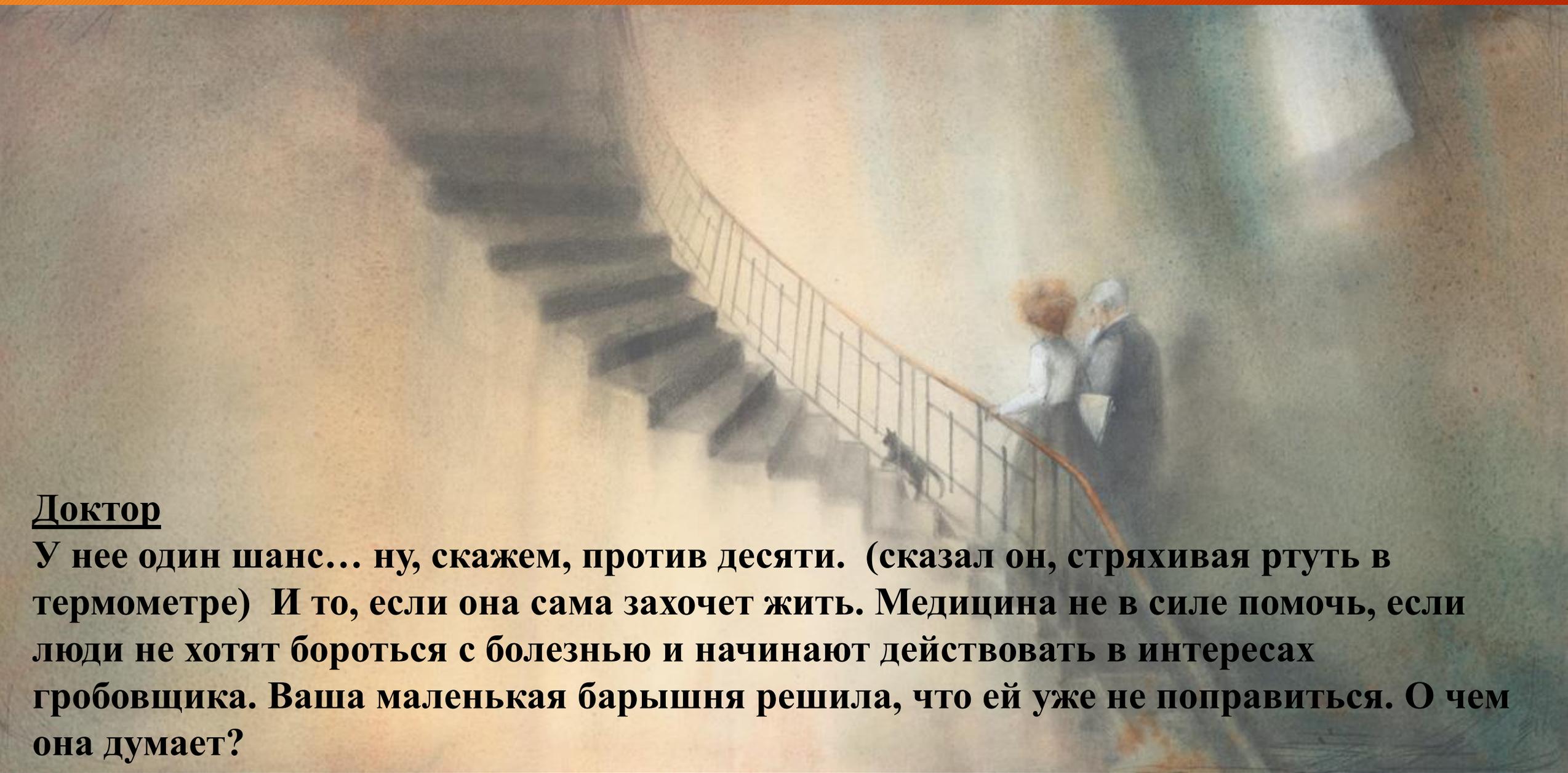
**Болезнь свалила с ног и Джонси, она лежала неподвижно на кровати, глядя
сквозь окно на глухую стену соседнего кирпичного дома.**





Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.





Доктор

У нее один шанс... ну, скажем, против десяти. (сказал он, стряхивая ртуть в термометре) И то, если она сама захочет жить. Медицина не в силе помочь, если люди не хотят бороться с болезнью и начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

Сью

– Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

A painting of a man and a woman on a staircase. The man is in a dark suit, and the woman is in a light-colored dress. They are standing on a curved staircase with a wooden railing. The background is a soft, hazy landscape with a bright light source, possibly a window or a doorway, creating a warm, atmospheric glow. The overall style is impressionistic or soft-focus.

Доктор

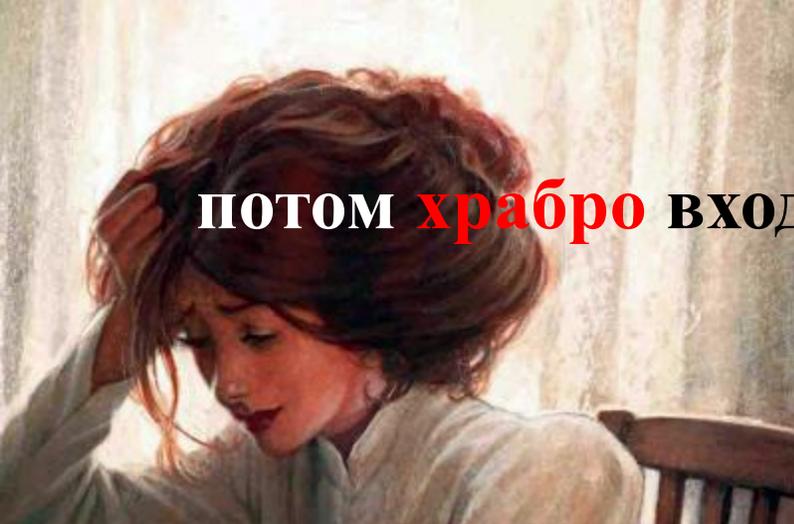
– Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать, например, любовь?

Сью

– Любовь? Неужели любовь к мужчине стоит...? Да нет, доктор, ничего подобного нет.

Доктор

– Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств.



Сью долго плакала,

потом храбро входит в комнату Джонси с мольбертом, напевая веселую песенку.

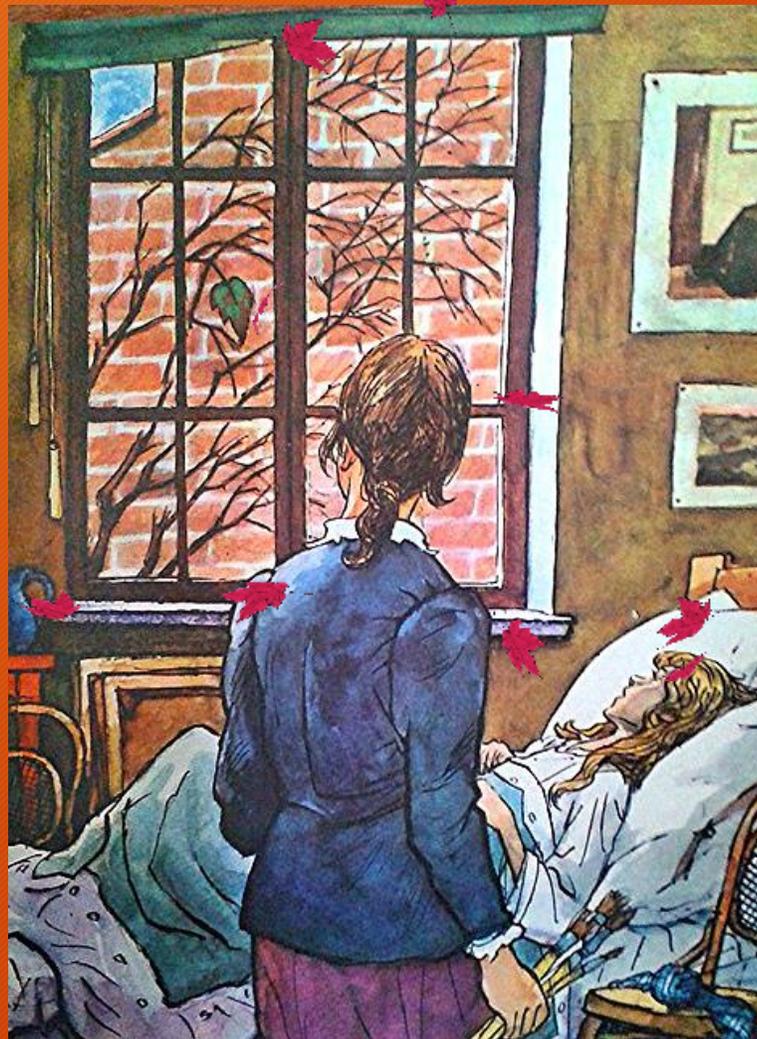
Джонси лежит, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами.

Сью перестала напевать, думая, что Джонси уснула.

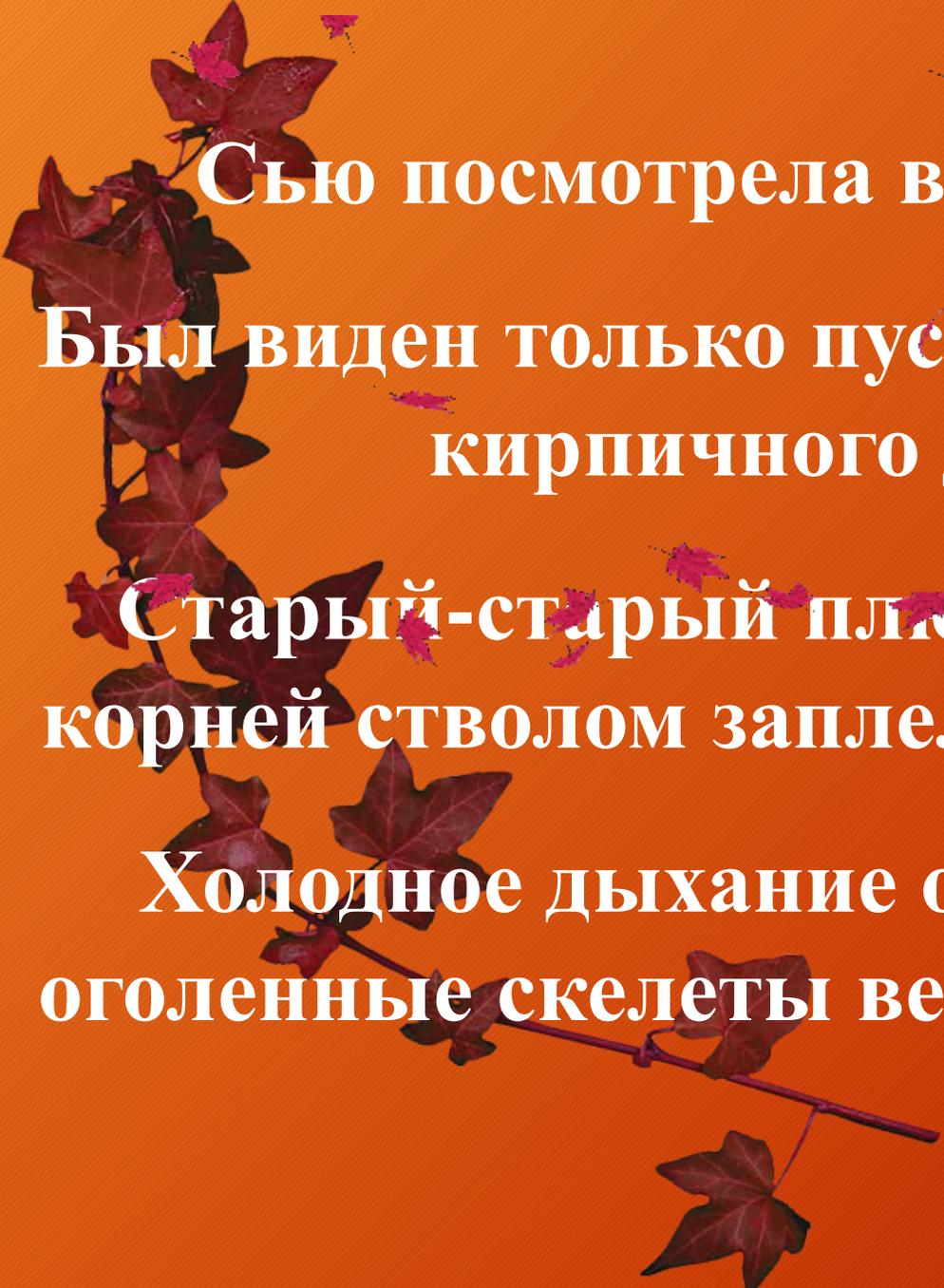
Она пристроила мольберт и начала рисовать.

**Сью слышит тихий шепот,
повторившийся несколько раз.**

Она торопливо подошла к кровати.



**Глаза Джонси были широко открыты.
Она смотрит в окно и считает в обратном порядке.
- Двенадцать, одиннадцать, «десять», «девять»,
восемь», «семь».**



Сью посмотрела в окно. Что там было считать?

Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена
кирпичного дома в двадцати шагах.

Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у
корней стволом заплел до половины кирпичную стену.

Холодное дыхание осени срывало листья с лозы, и
оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся
кирпичи.



СЬЮ Что там такое, милая?

ДЖОРСИ

– Шесть. Теперь они облетают гораздо быстрее.

Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать.

А теперь это легко.

Вот и еще один полетел.

Теперь осталось только пять.

СЬЮ Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

ДЖОРСИ

– Листьев. На плуще. Когда упадет последний лист, я умру.

Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

СЬЮ

– Первый раз слышу такую глупость! Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь,... позволь, как же это он сказал?

.. что у тебя десять шансов против одного. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

ДЖОРСИ

– Вина тебе покупать больше не надо. Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

СЬЮ

– Джонси, милая (– сказала Сью, наклоняясь над ней).
Обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы шторы.

ДЖОРСИ

Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? (холодно спросила Джонси)

СЬЮ

Мне бы хотелось посидеть с тобой. А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

ДЖОРСИ

Скажи мне, когда кончишь. (закрывая глаза, произнесла Джонси)

Потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

СЬЮ

Постарайся уснуть. Мне надо позвать нашего соседа, старика Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большое на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.







Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Сюю застала Бермана, в его обычном расположении духа, ворчливым и несносным. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сюю рассказала старику про фантазию Джонси.

СЬЮ

Подумайте! Она лежит бледная, неподвижная как статуя и ждет когда упадет последний лист. Она себе внушила, что как только он упадет, она умрет. Бедняжка меня и слушать не хочет, ничего не ест. Она легкая и хрупкая, как лист, я боюсь, что ослабнет и улетит от нас Бедная Джорси. (заплакала Сью)

Старик Берман

Что за идиотские фантазиями. Глупая девчонка!

Возможна ли такая глупость, умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща!

Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника.

Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой?

Ах, бедная маленькая мисс Джонси!



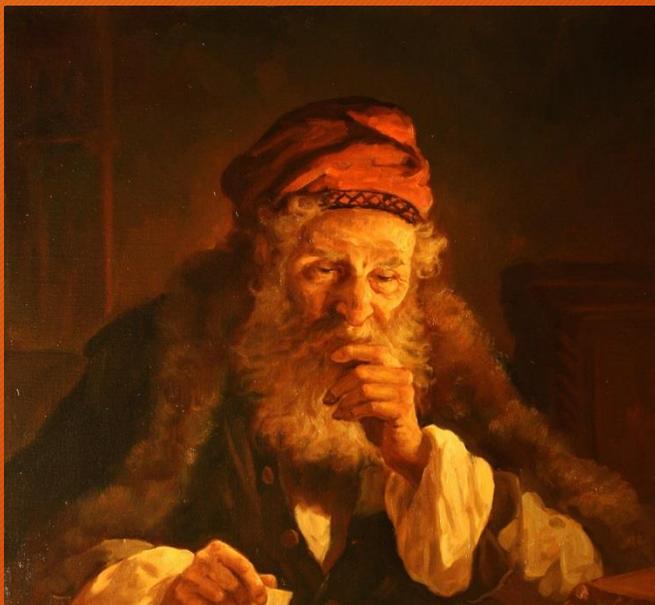
СЬЮ

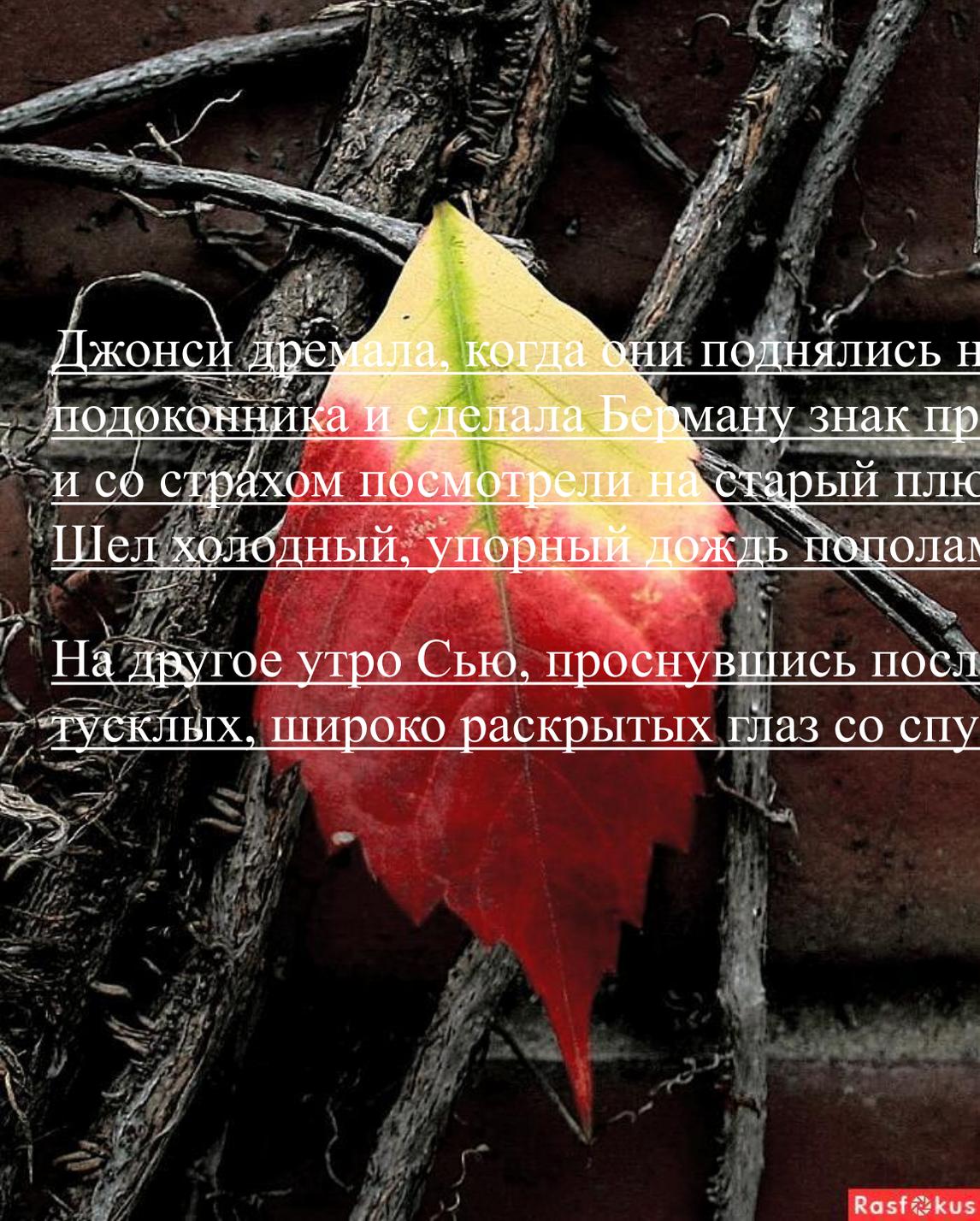
– Она очень больна и слаба и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтуниска.

(опять заплакала Сью)

Старик Берман

Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Но всего полчаса. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!





Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный, упорный дождь пополам со снегом.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

ДЖОРСИ

– Подними ее, я хочу посмотреть (шепотом скомандовала Джонси)

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща – последний! Все еще темнозеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

ДЖОРСИ

– Это последний, – сказала Джонси. – Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

СЬЮ

– Да бог с тобой! (сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке) Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?



Julia S.

Но Джонси не отвечала.

Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему на свете.

Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены.

А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.



Лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него.

Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

ДЖОРСИ

- Я была скверной девчонкой, Сьюди.

Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая.

Грешно желать себе смерти.

Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном...

Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.





Доктор

- Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход - и больше ничего не нужно.

А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу.

Его фамилия Берман.

Кажется, он художник.

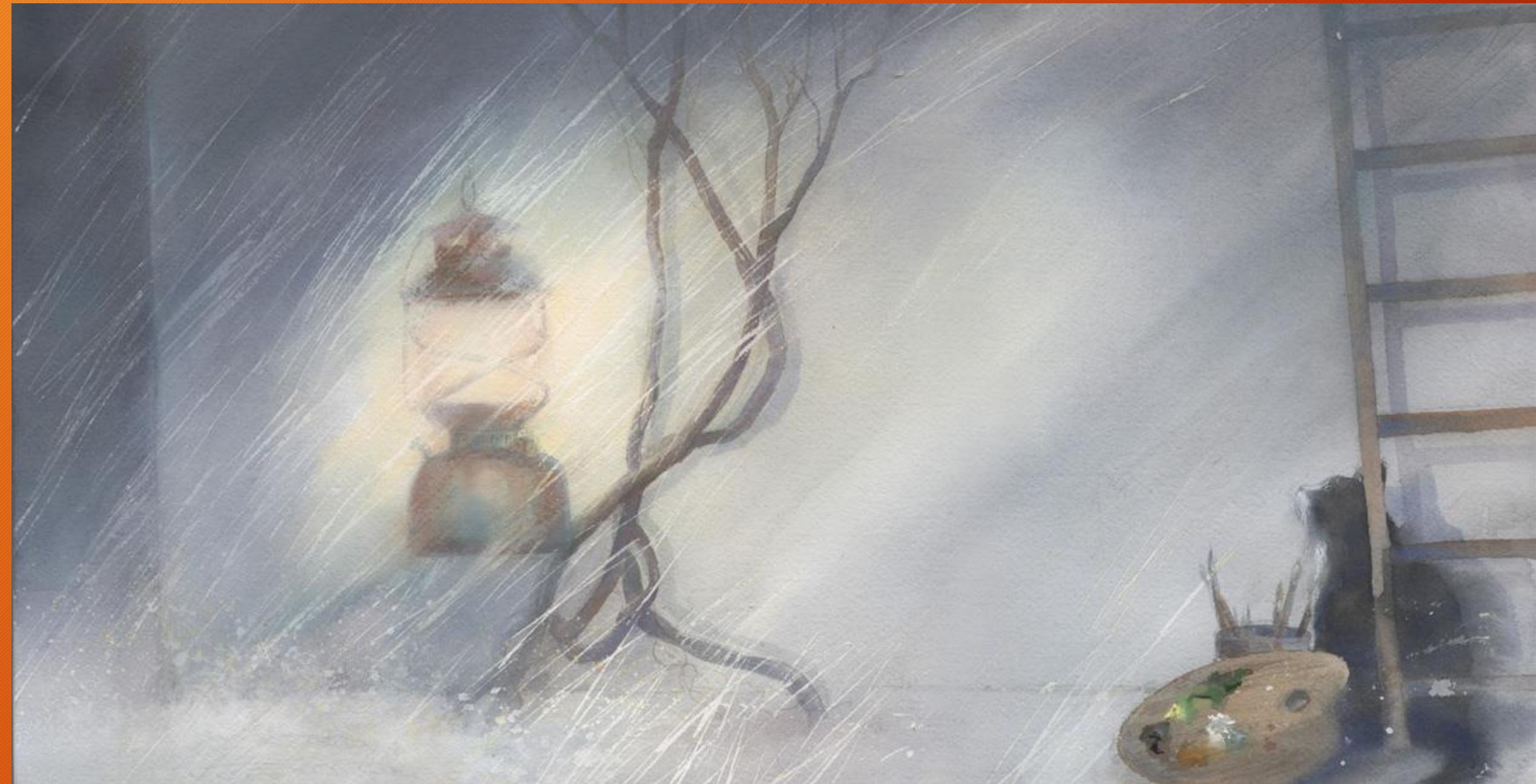
Тоже воспаление легких.

Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая.

Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

Прошел еще один день, Джерси стала быстро выздоравливать!







СЬЮ (вяжет ярко-синий шарф, обнимает одной рукой Джорси вместе с подушкой)

- Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, - начала она.

- Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких.

Он болел всего только два дня.

Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате.

Он был без сознания.

Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лед.

Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь.

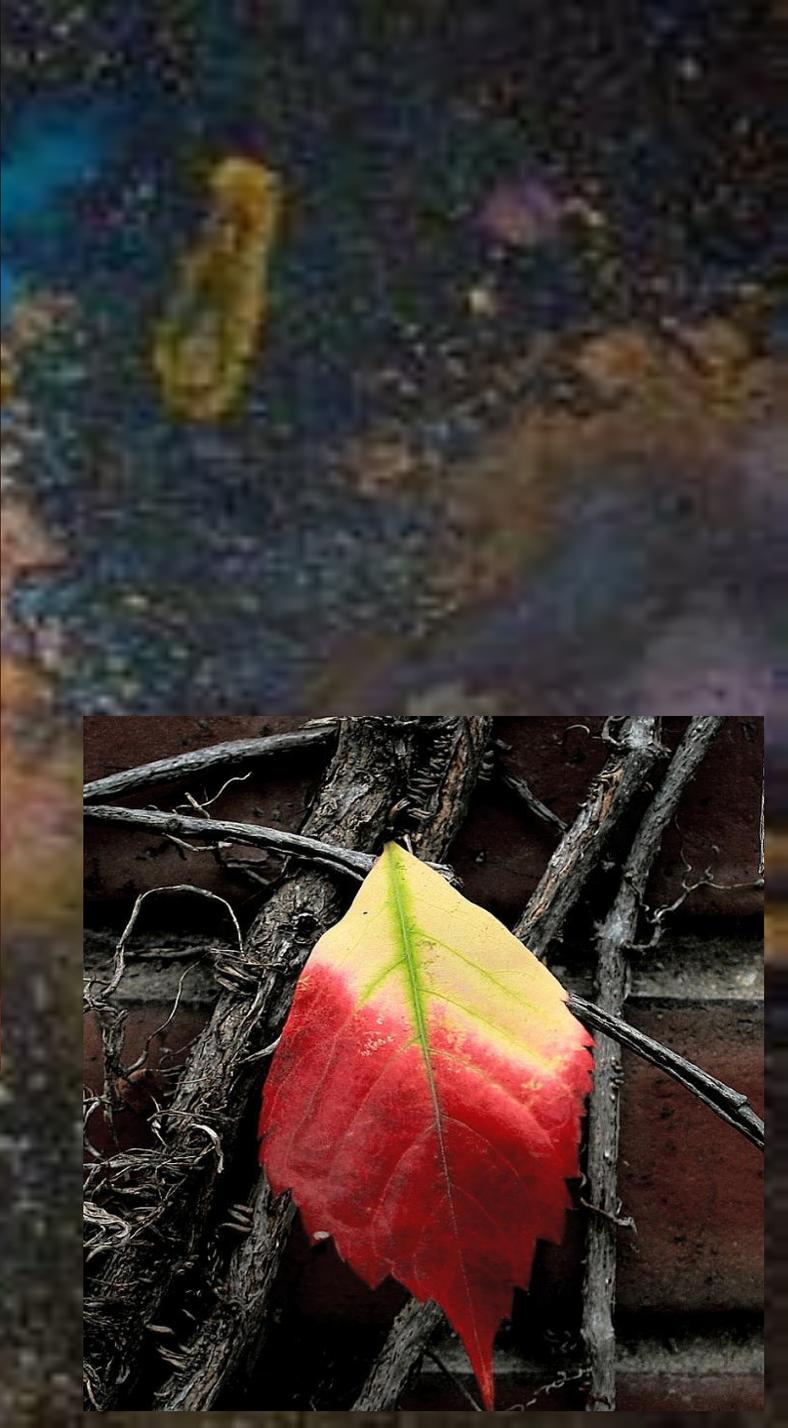
Потом нашли фонарь, который все еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кувшинов и палитру с желтой и зеленой красками.

Посмотри в окно, дорогая, там последний лист плюща.

Тебя не удивляло, что плющ не трепещет и не шевелится от ветра?

Да, милая, это и есть последняя работа Бермана - он написал его в ту ночь, когда сметел последний лист.





Творите люди на земле добро !

